

## **ОСОБЕННОСТИ РЕЧЕВОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЭЛИТАРНОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ В КОНФЛИКТНОЙ КОММУНИКАЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ПРОЗЫ)**

*Работа представлена кафедрой русского языка и общего языкознания  
Череповецкого государственного университета.*

*Научный руководитель – кандидат филологических наук, профессор Р. Л. Смулаковская*

**Статья посвящена проблеме типов речевой культуры в коммуникативно-прагматическом аспекте. Рассматриваются ситуации конфликтной коммуникации, в которых осуществляется переход носителя элитарной речевой культуры с одного идиома на другой. Анализируются ситуативные переменные и причины, приводящие говорящего к кодовому переключению.**

**The article deals with the problem of the types of speech culture in the communicative and pragmatic aspects. It focuses on the conflictive situations, in which the speaker of the elite speech culture switches over to another idiom. The situational variables and the reasons that lead the speaker to the code switching are analyzed.**

Антропоцентрический подход к явлениям языка – интерес к «человеку говорящему» и его речевым произведениям – является основополагающим при разработке проблемы типов речевой культуры (РК) в коммуникативно-прагматическом аспекте.

Круг общих вопросов, связанных с типами РК, очерчен и определен в работах Н. И. Толстого, О. Б. Сиротининой, В. Е. Гольдина. Если О. Б. Сиротинина и В. Е. Гольдин выделили в 1993 г. четыре типа РК, связанных со сферой действия литературного языка (элитарный, «среднелитературный», литературно-разговорный и фамильярно-разговорный)<sup>1</sup>, то в «Стилистическом энциклопедическом словаре русского языка» предлагается пять типов РК:

полнофункциональный, неполнофункциональный, среднелитературный, литературно-жаргонизирующий и обиходный<sup>2</sup>.

Много ценных идей для изучения реального функционирования русского языка в разных типах РК заложено в исследованиях саратовских ученых (О. Б. Сиротининой, В. Е. Гольдина, К. Ф. Седова, И. С. Фишер, С. В. Куприной, Т. В. Кочетковой, А. В. Осинной и др.).

Не подлежит сомнению, что элитарная речевая культура (ЭРК) является эталонной и предполагает высшую степень владения языком, умение пользоваться всеми его возможностями в разных сферах коммуникации.

Разработка понятия «языковая личность» (термин Ю. Н. Караулова) дала воз-

возможность ввести понятие «элитарная языковая личность» (ЭЯЛ), под которой понимают «носителя русского языка, умеющего демонстрировать высшую языковую способность (умение говорить хорошо) в любых ситуациях общения (публичных и неофициальных, привычных, запланированных и неожиданных, экстремальных и т. п.) и имеющего широкое поле постоянной и разнообразной речевой деятельности»<sup>3</sup>. Анализ речевых репрезентаций Д. С. Лихачева, А. И. Солженицына, С. Н. Федорова, Н. Н. Губенко, Г. В. Хазанова, Ю. Г. Власова<sup>4</sup>; О. Б. Сиротининой<sup>5</sup>; К. И. Бендера<sup>6</sup> убедительно доказывает принадлежность информантов к ЭРК. В сфере информативного, официально-профессионального общения данные ЭЯЛ демонстрируют соблюдение коммуникативных, этических, языковых норм, т. е. в совершенстве владеют «легитимным языком» (термин П. Бурдые).

Однако, по нашим наблюдениям, без достаточного внимания оказалась разговорная дискурсивная практика ЭЯЛ в сфере неформальной интеракции, в частности, в условиях конфликтного взаимодействия участников общения.

Представляется важной мысль К. Ф. Седова, что «конфликтная ситуация создает экзистенциальную атмосферу, в которой языковая личность достаточно отчетливо проявляет себя»<sup>7</sup>.

Уместно отметить, что с учетом органичной взаимосвязи психологических и коммуникативно-языковых характеристик конфликтной коммуникации конфликт понимается как «вербально выраженное столкновение участников коммуникации, вызванное психологическими и/или коммуникативными/языковыми причинами, в результате которого одна из сторон действует в ущерб другой»<sup>8</sup>.

В этой перспективе весьма любопытными кажутся наблюдения над разговорной дискурсивной практикой ЭЯЛ в сфере неформальной интеракции. Представляется, что именно в коммуникативной ситуации конфликтного взаимодействия собеседни-

ков носители ЭРК не всегда следуют нормативным рекомендациям и велика вероятность обнаружения в их речи языковых единиц, отвергаемых литературной нормой. Следует подчеркнуть, что этот аспект не был до сих пор предметом специального исследования.

В связи с вышесказанным появляется насущная необходимость сделать несколько кратких замечаний относительно такого явления, как просторечие, так как, говоря о внелитературных средствах, мы имеем в виду слова, выражения, конструкции, принадлежащие именно этой субстандартной подсистеме языка, ибо они наиболее часто представлены в речевой практике исследуемых нами ЭЯЛ.

Неоднократно отмечалось, что понимание данного феномена в отечественном языкознании неоднозначно. В современной лингвистике принято различать два значения термина «просторечие»: «1) просторечие как стилистическое средство литературного языка; 2) просторечие как речь лиц, недостаточно овладевших литературным языком»<sup>9</sup>. При этом следует иметь в виду, что «как явление в целом – это конгломерат из общеупотребительной части социальных и профессиональных подязыков, из элементов деревенских говоров, из иноязычных заимствований и традиционных мещанизмов, вульгаризмов, а также обценной лексики»<sup>10</sup>.

Среди семи основных свойств современного русского городского просторечия, обозначенных Е. В. Ерофеевой, для нашего исследования принципиально важным является такой признак данного идиома, как «функционирование преимущественно в устной речи»<sup>11</sup>, поскольку мы анализируем устные разговорные тексты, продуцируемые носителями ЭРК.

Особого внимания заслуживает вопрос о зыбкости границ между литературной и нелитературной лексикой, что создает определенную трудность при изучении, например, обращений или лексических номинаций в просторечии. Такому положению

дел, на наш взгляд, способствует, во-первых, промежуточное положение данного идиома в русском языковом пространстве (между литературным языком – примыкает непосредственно к литературно-разговорной речи – и социально-профессиональными жаргонами и территориальными диалектами), во-вторых, социально-обусловленные процессы в этой подсистеме современного русского языка (см. работы Е. В. Ерофеевой, Л. П. Крысина и др.). Отечественные исследователи (Т. Г. Винокур, Е. А. Земская, В. Д. Девкин, Л. А. Капанадзе, В. В. Химик и др.) неоднократно отмечали, что интеллигентный носитель языка может употреблять сниженные средства в обиходно-деловых и обиходно-профессиональных ситуациях, демонстрируя «функционально-регистровое речевое поведение» (термин В. В. Химики), что является во многих случаях одной из возможных форм самовыражения говорящего (языковая игра, языковое кокетство) либо воздействия на речевого партнера, своего рода тактическим приемом (языковая маска) и т. п.

Для выявления особенностей речевой репрезентации ЭЯЛ в конфликтных ситуациях мы обратились к анализу соответствующих фрагментов из современной русской прозы: «Дамский мастер» И. Грековой<sup>12</sup>; «Коллеги» В. Аксенова<sup>13</sup>; «Убийца поневоле» А. Марининой<sup>14</sup>. Предлагаемые ситуации демонстрируют дискурсивные практики персонажей (кибернетика Марьи Владимировны Ковалевой, врача Александра Дмитриевича Зеленина, аналитика Московского УВД Анастасии Павловны Каменской), которые являются субъектами литературной коммуникации и рассматриваются нами в качестве «модели языковой личности»<sup>15</sup>.

По нашим наблюдениям, разговорные и просторечные особенности наиболее регулярно и последовательно проявляют себя в речи носителей языка, которые безусловно владеют кодифицированными нормами и всеми функциональными разновидностями языка, в диалоге-диссонансе, когда мнени-

ния (оценки, позиции и т. д.) коммуникативных партнеров не совпадают.

Важно подчеркнуть, что диалог подчинен психологии межличностных отношений и прямо зависит от социальных факторов. Участники диалогического общения выполняют в нем определенные роли, обуславливающие модели речевого поведения.

Исследуемые нами ситуации конфликтной коммуникации имеют ряд особенностей, на которые следует обратить внимание.

Первый фрагмент репрезентирует «жизненный диалог-спор»<sup>16</sup>, возникающий спонтанно как результат психологической реакции коммуникантов, асимметричных по возрасту (М. В. Ковалева и ее сыновья), на поведение друг друга. Однако это скорее «спор-игра», не предполагающий оскорбления близких, дорогих людей (ситуация 1).

«Эмоционально-аффективный диалог-ссора» (термин Г. В. Бардиной) между асимметричными по статусу собеседниками (А. Д. Зеленин – заведующий больницей в поселке, Ф. Бугров – рабочий на стройке), испытывающими глубокую личную неприязнь, – настоящий острый конфликт (ситуация 2).

В третьем эпизоде, где адресант (А. П. Каменская) и адресат (Растяпин) равны по своему статусу (коллеги по работе), конфликт носит латентный характер и находит отражение в выпадах эмоционального порядка только в речевой практике одного из говорящих (в интериоризованной речи А. П. Каменской) (ситуация 3).

Рассмотрим данные ситуации более детально.

#### **Ситуация 1.**

*Я (М. В. Ковалева. – Е. К.) пришла с работы усталая, как собака. Мальчишки – ну, конечно! – играли в шахматы. Это какая-то мужская болезнь. Я сказала:*

*– Черт знает что такое! Опять эти дурачки играют шахматы. До каких пор?*

*На столе было типичное свинство. Пепельница разбухла от окурков. В пивных бутылках медленно надувались и лопались гигантские пузыри.*

– Типичные свиньи, – сказала я. – Дела у вас нет, что ли? И это накануне сессии...

– Лапу, – подобострастно сказал Костя.

– Не будет тебе лапы. Свиньи, иначе не назовешь. Приходишь домой как в кабак. Хоть бы один раз пепельницу за собой вынес-ли! Неужели я, пожилая женщина...

– Прикажете возражать? – спросил Коля.

– Прекратить хамство! – крикнула я.

– Лапу, – потребовал Коля.

Мне улыбаться совсем не следовало, но губы как-то сами разъехались, и я дала ему руку. <...>

– Сейчас же убрать со стола! – крикнула я, чтобы не демобилизоваться.

Костя, кряхтя, взвалил на плечо пепельницу, Коля стал вытирать стол какими-то брюками. <...>

– Ну, хватит с меня этого кабака. Уеду от вас. Живите сами. <...> Мне это все надоело. Надоело! Понятно вам? Уеду в Новосибирск. Или, еще лучше, выйду замуж.

– Ого! – заметил Костя. – Это дает!

– А что? По-вашему, я уже не могу ни за кого выйти замуж?

– Только за укротителя, – сказал Коля.

Тьфу, черт возьми!

Я вышла и хлопнула дверью. <...> (495–496)

Анализируемая нами речевая практика носителя ЭРК М. В. Ковалевой (ситуация бытовой ссоры) характеризуется единицами, принадлежащими разным подсистемам языка: 1) нейтрально-книжной речи (шахматы, пепельница, сессия, рука, вынесли, улыбаться и т. д.); 2) разговорной речи (дурацкие, свинство, разбухла, свиньи, кабак, хамство, разъехались, кряхтя и т. п.); 3) просторечию (устала, как собака; черт знает что такое, лапа, черт возьми). Языковые средства (2 и 3) сигнализируют о речевой ситуации низкой социальной значимости, для которой характерны бытовая тематика, максимальная близость участников речевого акта. Данные языковые единицы свойственны разговорной речи, обладают эмоциональной насыщенностью, выража-

ют, во-первых, отрицательную характеристику адресатов (сыновей М. В. Ковалевой) и их поведения (свиньи, хамство), обстановки, в которой они находятся (свинство, кабак), во-вторых, маркируют физическое состояние говорящего (устала, как собака) и, наконец, эксплицируют негативное отношение адресанта к происходящему (черт знает что такое, черт возьми, тьфу). Речь М. В. Ковалевой насыщена разговорными частицами, которые участвуют в выражении желательности (хоть бы), вопросительности (неужели), утверждения (что ли). Релятив «А что?» выражает эмоциональную реакцию говорящего на сообщаемое: раздражение, вызванное неверием сыновей в ее способность что-то кардинально изменить в своей жизни.

Для синтаксиса разговорного дискурса данной ЭЯЛ характерны: эмоционально окрашенные предложения (Хоть бы один раз пепельницу за собой вынесли!); риторические вопросы, выражающие крайнее напряжение чувств (До каких пор?; Понятно вам?); вставные конструкции, эксплицирующие негативную реакцию (сильное раздражение) на происходящее (ну, конечно!); повтор-фразы (Мне все надоело! Надоело!); незавершенные предложения (И это накануне сессии...; Неужели я, пожилая женщина...).

Императивные предложения «Прекратить хамство!» и «Сейчас же убрать со стола!» выражают категорическое требование, не допускающее отказа. М. В. Ковалева убеждена, что она с позиции своей социальной роли (мать) и возраста (пожилая женщина) имеет право настаивать на том, чтобы адресаты (сыновья) сделали то, что она хочет от них (привести все в порядок).

Как можно видеть, достаточно высокая частотность употребления личного местоимения «я» (9 случаев), которое имеет главным образом дейктическое значение, указание на участника речевого акта (адресанта), но тонкий смысловой оттенок, который наслаивается на основное значение, – это элемент самоутверждения, авторитарности, эгоцентричности.

Речь М. В. Ковалевой оказывается действенной: сыновья подчиняются требованию, манифестируя снисходительное, слегка ироничное отношение к горячо любимой, уважаемой матери, склонной к резким сменам настроения и внезапным бурным проявлениям эмоций (холерический темперамент) с паралингвистическим сопровождением, которое в данной ситуации выполняет, во-первых, эмоциональную функцию (улыбка, подача руки), во-вторых, функцию воздействия на адресата (хлопанье дверью).

Диалогическое общение всегда личностно ориентировано на собеседника и персонафицировано, т. е. оно ведется индивидами от своего собственного имени, при этом истинные чувства и желания субъектов являются открытыми в большей или меньшей степени. Думается, что нижеследующий фрагмент диалога позволит в этом убедиться.

#### Ситуация 2.

<...> Давно уже играла музыка, но никто не танцевал. Наконец Федька (деклассированная личность. – Е. К.) улыбнулся и медленно направился прямо к Зеленину.

– Здорово, врач, – сказал он, прикладывая два пальца к козырьку кепочки, – давно не виделась. <...>

Зеленин молчал, с ужасом чувствуя, что его вновь охватывает отвратительное ощущение трепещущей жертвы перед лицом плача.

– А ты, я смотрю, стильный малый, – хохотнул Федька и легонько подбросил пальцем зеленинский галстук. Затем он улыбнулся Даше. – Дашутка, парле ву франсе, сбациаем танго?

– Нет, – сказала Даша (знакомая А. Д. Зеленина. – Е. К.), крепче сцепляясь в руку Зеленина.

– Чего там! – заорал Федька, схватил ее за плечи и, оторвав от Зеленина, потащил в центр зала. <...>

Зеленин поправил очки, отчетливо прошагал через весь зал и сильно хлопнул Федьку Бугрова по плечу. Тот мгновенно выпустил девушку и резко обернулся.

– Прошу вас немедленно удалиться, – сказал Зеленин. – Вы пьяны и безобразны.

Федька сделал шаг вперед. Александр невольно отступил.

– Я тебя бить не буду, сука! – процедил Федька. – Чего тебя бить? Загнешься еще. Я тебе шмазь сотворю.

Боже мой, это еще что? Шмазь! Что за ужас! Как сон дурной. Зеленин, теряя голову от страха перед чудовищным унижением, отступал. Растопыренная Федькина пятерня надвигалась, тянулась к его лицу. В эти доли секунды, бьющие молотком внутри головы, он с мельчайшими подробностями вспомнил эпизод из далекого прошлого.

Это было в эвакуации, в Ульяновске. <...> Подросток в дубленом полушубке. Из тех, что торговали на углах махоркой и папиросами «Ява» по два рубля штука... отобрал у Саши коньки, щипнул его за нос и поехал прочь, описывая вензеля. Когда же Саша побежал за ним, плача и умоляя вернуть папин подарок, драгоценные «снегурочки», подросток деловито хлестнул его по лицу железным прутом. Потом стоял над упавшим мальчиком, ожидая ответных действий. Но ответных действий не последовало. Саша, лежа на льду, в ужас сжался в комочек. <...>

– Гад!

Мышцы Зеленина напряглись. Так, как когда-то учил его Леишка Максимов, он шагнул в сторону, сделал «нырок» и правым боковым ударил Федьку в челюсть. <...> Бугров рухнул на пол. <...> (106–108)

Во фрагменте представлена ситуация публичной ссоры. Ненормативное в этическом, этикетном отношении поведение одного из участников коммуникации (криминального элемента Федора Бугрова) вызывает протест другого (интеллигента Александра Зеленина).

Являясь носителем ЭРК, А. Д. Зеленин в данной конфликтной ситуации пытается адекватно строить свои высказывания, демонстрируя речевое поведение, основанное на максимах «кооперативно-конформного взаимодействия»<sup>17</sup>: манифестирует строгое

соблюдение правил приличия, речевого этикета (вы-обращение, формула учтивой просьбы «Прошу вас...»). Аргументируя свое вежливое требование, данная ЭЯЛ использует слова, демонстрирующие лексическую экспрессию (пьяны, безобразны), тем самым эксплицируя свое отношение к адресату (возмущение непристойным, возмутительным поведением) в корректной форме.

Однако глубокая неприязнь к Ф. Бугрову возрастает по мере того, как его словесные оскорбления начинают принимать очертания угрозы физической расправы. Исчерпав все возможные средства для решения конфликтной ситуации «мирным путем», провоцируемый наглým поведением партнера по диалогу, А. Д. Зеленин избирает одну из тактик конфликтного общения – инвективу, применяя бранное просторечное слово «гад».

Использование ненормативной лексики и «боксерского удара» способствует снятию внутреннего напряжения. Ретроспектива и глубокая внутренняя рефлексия придают решимости А. Д. Зеленину, вселяют в него уверенность в правильности его поведения в данной ситуации: хамство и наглость не должны остаться безнаказанными.

Следующая анализируемая ситуация из романа А. Марининой «Убийца поневоле» дает нам возможность наблюдать не только внешний диалог, но и внутренний, то, что Л. П. Якубинский назвал «реплицированием во внутренней речи»<sup>18</sup>.

Поскольку внутренний мир одного субъекта не похож, не может быть подобен миру другого субъекта, то неизбежно столкновение противоречивых мнений, интересов, взглядов, желаний, позиций, что находит отражение как во внешней речи, так и в интериоризованной речи.

### Ситуация 3.

*В кабинете у Гордеева она (А. П. Каменская. – Е. К.) увидела троих незнакомых мужчин. <...>*

*– Знакомьтесь, товарищи, – произнес он (полковник В. А. Гордеев. – Е. К.), как бы*

*сквозь зубы. – Майор Каменская Анастасия Павловна. Анастасия Павловна, это наши коллеги из Федеральной службы контрразведки.*

*– Растяпин. – Один из сидящих за столом вообразил намерение встать, произнося свою фамилию, но задницу от стула не оторвал. <...>*

*Она вполуха слушала объяснения коллег из ФСК. <...>*

*«Завтра придет Денисов за телом сына, – думала Настя. – Как я буду смотреть ему в глаза? Попросила о небольшой услуге, а чем кончилось? Господи, как мне больно <...>».*

*– ... Собственно все началось с того момента, как мы потеряли Штейнберга, – пояснил Гришин (один из коллег-контрразведчиков. – Е. К.). <...> Мы предполагали, что для работы Штейнбергу понадобятся некоторые редкоземельные металлы в очень небольших количествах. <...> Но мы никак не могли отследить канал, по которому подпольная лаборатория получает эти металлы. А вы, расследуя убийство работника милиции Малушкина, совершенно случайно этот канал нащупали. Поэтому нам сейчас необходимо получить от вас все материалы на Резникова и его окружение.*

*«Их не интересует молоденький Костя Малушкин, – внезапно поняла Настя. – Им нет дела до его родителей и братьев. Что для них Костя? Пустое место. <...> Великие цели и глобальные задачи не предусматривают уделения внимания всяким глупостям вроде человеческих жизней. Для них смерть Кости – это большая удача, которая позволила нащупать канал сбыта галлия, скандия и гуфния. Да пошли они!..».*

*– Анастасия Павловна, мы можем рассчитывать на получение от вас всех материалов по Резникову?*

*«Хрен вам», – грубо ответила она в мыслях, но вслух вежливо произнесла:*

*– Конечно, я передам вам все, что у меня есть. И еще хочу добавить: по моим данным, Резников очень скоро выйдет на связь по поводу поставки металла. Он торопится, так что ждать осталось совсем немного.*

– Откуда у вас такие данные? – насто-  
рожился *Растяпин*, соизволивший наконец  
повернуться к *Насте* лицом.

«От верблюда», – совсем по-детски мыс-  
ленно сказала она. <...>

– Такие данные у меня есть, – хладно-  
кровно ответила *Настя* и умолкла, ясно да-  
вая понять, что дискутировать на эту тему  
не намерена.

– Но мы можем быть уверены, что вы  
передадите нам всю имеющуюся у вас инфор-  
мацию? – пытливо повторил *Растяпин*, сде-  
лав упор на слове «всю».

– Вы уже заранее подозреваете меня в  
недобросовестности? – зло усмехнулась она.  
Этот *Растяпин* ей не понравился сразу. *Хам*  
*трамвайный*. Не умеет с женщинами здоро-  
ваться. Увидел бы тебя *Вакар*, который го-  
тов был провожать меня поздно вечером  
домой просто потому, что я женщина, а он –  
офицер и мужчина. А ты, *Растяпин*, дерьмо  
толстозадое. <...> (332–338).

Перед нами случай, когда интериоризи-  
ванная речь, включенная в диалог парал-  
лельно с внешней речью, репрезентирует  
реакцию говорящего на происходящее.  
Именно здесь осуществляется реальное,  
правдивое комментирование увиденного и  
услышанного, так как «внутренняя речь  
есть речь для себя»<sup>19</sup>, в которой можно кри-  
тически оценивать как ситуацию в целом,  
так и партнеров по общению, не подбирая  
«изысканных» слов и не заботясь о негатив-  
ных последствиях своих «откровений». Ин-  
тересен такой факт: если деловому стилю  
внешней речи *А. П. Каменской* свойствен-  
ны точность, логичность, официальность,  
беспристрастность, что находит отражение,  
во-первых, в выборе стилистически нейт-  
ральной лексики (данные, повод, торопиться,  
металл, дать, подозревать, недобросо-  
вестность), во-вторых, в преобладании по-  
вествовательных предложений (Такие дан-  
ные у меня есть), в-третьих, в использова-  
нии сложных предложений с четко выра-  
женной логической связью (Он торопится,  
так что ждать осталось совсем немного), то  
для разговорного стиля интериоризован-

ной речи характерны естественность, не-  
принужденность, экспрессивность.

Безразличное отношение к людям, обес-  
ценивание человеческой жизни вызывает ре-  
шительный протест *А. П. Каменской*, име-  
ющей глубокие нравственные убеждения.  
Раздражение, причиной которого является  
неадекватное поведение одного из партне-  
ров по коммуникации (*Растяпина*), оказы-  
вает влияние на выбор данной ЭЯЛ такти-  
ки некооперативного общения: во внешней  
речи – колкости (Вы уже заранее подозрева-  
ете меня в недобросовестности?), во внутрен-  
ней речи – инвективы (разговорная лексема  
с эмоционально-экспрессивной окраской –  
«хам трамвайный» и грубо-просторечная но-  
минация – «дерьмо толстозадое»).

Ряд стилистических средств экспрессивно-  
го синтаксиса маркирует напряженность и  
взволнованность *А. П. Каменской*. Вопроси-  
тельные и восклицательные предложения  
эксплицируют эмоциональную оценочную  
реакцию говорящего на происходящее (Что  
для них *Костя*?), сигнализируют о душевных  
переживаниях (Как я буду смотреть ему в гла-  
за? Попросила о небольшой услуге, а чем за-  
кончилось? Господи, как мне больно!).

Вербальная агрессия в интериоризован-  
ной речи (грубо-просторечная синтаксичес-  
кая конструкция «Да пошли они!...» и вуль-  
гарное выражение «Хрен вам») способствует  
снятию стресса, вызванного неэтичным  
поведением собеседников.

В данном фрагменте диалогической  
речи между коммуникантами (*А. П. Камен-  
ской* и *Растяпиным*) сохраняется баланс  
позиций равных по статусу субъектов (кол-  
лег). Они используют вежливое вы-обраще-  
ние, характерное для официально-профес-  
сионального общения. Однако во внутрен-  
ней речи данная ЭЯЛ переходит на ты-об-  
ращение, тем самым сокращая социальную  
дистанцию, что, в свою очередь, позволяет  
определить ее истинное отношение к адре-  
сату (глубокое презрение).

Сделаем некоторые выводы.

1. Такие персонажи, как *М. В. Ковалева*,  
*А. Д. Зеленин*, *А. П. Каменская*, могут быть

причислены к носителям ЭРК с выраженной ориентацией на «полистилевую речевую манеру» (термин М. Я. Дымарского), что эксплицируется в разнообразии используемых языковых средств, как кодифицированных, так и отвергаемых литературной нормой.

2. Инвективная стратегия речевого поведения ЭЯЛ в ситуации конфликта определяет сознательный и целенаправленный

выбор внелитературных средств в качестве наиболее адекватной реакции на ненормативное в этическом, этикетном отношении поведение партнеров по коммуникации.

3. Носитель ЭРК способен контролировать свое речевое поведение в ситуации официального общения, что проявляется в существенных различиях в организации внешней и интериоризованной речи.

### ПРИМЕЧАНИЯ

<sup>1</sup> Гольдин В. Е., Сиротинина О. Б. Внутринациональные речевые культуры и их взаимодействие // Вопросы стилистики: Межвуз. сб. науч. трудов. Вып. 25. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1993. С. 9–19.

<sup>2</sup> Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М. Н. Кожинной. М.: Флинта; Наука, 2003.

<sup>3</sup> Кочеткова Т. В. Эвфемизмы в речи носителя элитарной речевой культуры // Вопросы стилистики: Межвуз. сб. науч. тр. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1998. С. 169.

<sup>4</sup> Фишер И. С. Устная монологическая речь (На материале публицистических телепередач): Дис. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. Саратов, 1995.

<sup>5</sup> Курпина С. В. Устная и письменная речь одного лица. Дис. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. Саратов, 1998.

<sup>6</sup> Кочеткова Т. В. Языковая личность носителя элитарной речевой культуры: Дис. на соиск. учен. степени д-ра филол. наук. Саратов, 1999.

<sup>7</sup> Седов К. Ф. Внутрижанровые стратегии речевого поведения: «ссора», «комплимент», «колкость» // Жанры речи. Саратов: Изд-во Гос. УНЦ «Колледж», 1997. С. 191.

<sup>8</sup> Рудов П. А. Информативный диалог конфликтного типа: структурно-семантический и коммуникативно-прагматический аспекты. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2005. С. 6.

<sup>9</sup> Земская Е. А., Китайгородская М. В. Наблюдения над просторечной морфологией // Городское просторечие. Проблемы изучения / Под ред. Е. А. Земской и Д. Н. Шмелева. М.: Наука, 1984. С. 66.

<sup>10</sup> Химик В. В. Поэтика низкого, или Просторечие как культурный феномен. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2000. С. 10.

<sup>11</sup> Ерофеева Е. В. Вероятностная структура идиомов: Социолингвистический аспект. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2005. С. 76.

<sup>12</sup> Грекова И. Дамский мастер // Кафедра. М.: Советский писатель, 1983. С. 495–542. (Текст в статье цитируется по данному изданию, в круглых скобках указаны страницы.)

<sup>13</sup> Аксенов В. Коллеги // Апельсины из Марокко. М.: Изографус; ЭКСМО, 2003. С. 5–198. (Текст в статье цитируется по данному изданию, в круглых скобках указаны страницы.)

<sup>14</sup> Маринина А. Убийца поневоле: Роман. М.: Центр-полиграф, 1997. (Текст в статье цитируется по данному изданию, в круглых скобках указаны страницы.)

<sup>15</sup> Караулов Ю. Н., Гинзбург Е. Л. Модели лексического строя языковой личности мастера слова // Изменяющийся языковой мир: Тезисы докладов международной научной конференции (Пермь, Перм. ун-т, 12–17 ноября 2001 г.) / Перм. ун-т. Пермь, 2001. С. 16–18; Чурилина Л. Н. Антропоцентризм художественного текста как принцип организации его лексической структуры: Автореф. дис. ... доктора филол. наук. СПб., 2003.

<sup>16</sup> Соловьева А. К. О некоторых общих вопросах диалога // Вопросы языкознания. 1965. № 6. С. 103–110.

<sup>17</sup> Седов К. Ф. Этическая составляющая типологии речевых культур // Проблемы речевой коммуникации: Межвуз. сб. науч. тр. Вып. 3. Саратов, 2003. С. 193–201.

<sup>18</sup> Якубинский Л. П. О диалогической речи // Избр. работы. Язык и его функционирование. М.: Наука, 1986. С. 17–58.

<sup>19</sup> Выготский Л. С. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 2.: Проблемы общей психологии / Под ред. В. В. Давыдова. М.: Педагогика, 1982. С. 316.